

Понятія бытія и времени.

По поводу книги Л. Лопатина: «Положительныя задачи философіи».

Въ концѣ прошлаго 1891-го года вышла вторая часть вышеозначенаго сочиненія Л. М. Лопатина, первая же часть появилась еще въ 1886 году. Сочиненіе это, по моему, не можетъ не возбудить серьезнаго интереса у всякаго любящаго философію и занимающагося ею; а потому я и позволяю себѣ предложить его вниманію читателей «Своего Слова» въ убѣжденіи, что они найдутъ въ немъ живое отношеніе автора къ предмету его занятій, добросовѣстную подготовку къ труду надъ выбранною имъ темою сочиненія, самостоятельность въ ея разработкѣ и искусное изложеніе результатовъ этого труда. Кромѣ этихъ общихъ достоинствъ работы г. Лопатина, которыя будутъ признаны всякимъ понимающимъ дѣло и беспристрастнымъ человѣкомъ, я отношусь къ ней еще съ особымъ сочувствіемъ, потому что вижу въ ея авторѣ союзника въ борьбѣ противъ материализма, сенсуализма и позитивизма. Но, къ сожалѣнію, это обстоятельство не устраниетъ возможности моего разногласія съ авторомъ въ другихъ пунктахъ, какъ, напр., въ тѣхъ положительныхъ принципахъ, во имя которыхъ мы боремся съ одниими и тѣми же противниками, а также и въ выборѣ оружія и средствъ для борьбы съ ними.

Само собою разумѣется, что высоко оцѣнивая философскую дѣятельность Л. М. Лопатина, я желалъ бы имѣть его своимъ союзникомъ во всѣхъ отношеніяхъ безъ всякихъ разногласій. Поэтому

охотно пользуюсь выходомъ въ свѣтъ 2-ой части его почтеннаго сочиненія, чтобы при посредствѣ критического разбора его и даже спора о томъ или другомъ пунктѣ устранить, какія могутъ оказаться, разногласія и приблизиться къ возможно полному согласію и союзу. Но помимо этого желанія я даже считаю себя обязаннымъ какъ передъ читателями «Своего Слова», такъ и передъ авторомъ «Положительныхъ задачъ философіи» вступить съ нимъ въ объясненіе. Дѣло въ томъ, что онъ во 2-ой части своего сочиненія въ примѣчаніи на стр. 230, приведя изъ № 2 «Своего Слова» определеніе понятія бытія, сдѣланное Сократомъ съ Песковъ *), упрекаетъ меня въ «важномъ недоразумѣніи», а именно: что «вместо определенія понятія бытія въ его общечеловѣческомъ значеніи (хотя первоначально онъ (т. е. я или Сократъ) ставить себѣ именно эту задачу) онъ излагаетъ то, что, по его (моему или Сократа) мнѣнію, составляетъ *истинно-сущее* въ метафизическомъ смыслѣ, притомъ во всей законченности его идеальныхъ определеній. Между тѣмъ эти двѣ задачи, очевидно, не совпадаютъ между собою. Мы не только о всемирномъ духѣ или нашей сознающей субстанціи говоримъ—*есть*; мы говоримъ также: есть деньги, есть домъ, есть платье. Къ бытію этихъ и подобныхъ предметовъ едва-ли можно примѣнить безъ большихъ натяжекъ определеніе бытія, приведенное выше» (т. е. взятое изъ № 2 «Своего Слова» на стр. 53).

Я вовсе не считаю себя застрахованнымъ отъ недоразумѣній, и когда упрекаютъ меня въ нихъ такие люди, какъ Л. М. Лопатинъ, то прежде всего во мнѣ возникаетъ опасеніе, что упрекъ основателъ, и искреннее желаніе освободиться отъ недоразумѣнія. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ это желаніе встрѣтило препятствіе въ томъ, что я не могу ясно понять смыслъ обращеннаго ко мнѣ

*) Почтенный авторъ отождествляетъ главное разговаривающее лицо въ «Бесѣдахъ» со мною, но, какъ уже не разъ это было сказано, я, считая себя вполнѣ солидарнымъ съ этимъ лицомъ (конечно, не въ другомъ чёмъ-нибудь, а въ философскихъ воззрѣніяхъ), принимаю на себя ответственность за философскія положенія, имъ высказываемыя.

упрека. «Первоначально» я будто бы «поставилъ себѣ задачу опредѣлить понятіе бытія въ его общечеловѣческомъ значеніи», а вместо того излагаю нечто иное.... Не ясно для меня, во первыхъ, что想要 сказать почтенный авторъ словомъ: «первоначально». Такъ какъ онъ ничѣмъ этого не обозначилъ, то приходится отгадывать. Должно быть, это значитъ, что какъ только въ «Бесѣдахъ» началась рѣчь о понятіи бытія, то Сократъ и задался «его опредѣленіемъ въ его общечеловѣческомъ значеніи». Если такъ, то читателямъ «Своего Слова» известно, что рѣчь объ этомъ понятіи началась еще во II бесѣдѣ, гдѣ на мнѣніе послѣдователя Юма, Шугаева, что «слово: бытіе или существованіе, есть пустое слово», Сократъ возражаетъ, что и самъ Юмъ, и Шугаевъ что нибудь да разумѣютъ подъ этими словами, потому что въ противномъ случаѣ они согласились бы замѣнить ихъ дѣйствительно ничего не значащими словами въ родѣ, напр: «бирамбі» и т. под. Точно также и далѣе въ бесѣдѣ IV и V, гдѣ опять поднимается рѣчь о понятіи бытія или существованія, Сократъ на всякую попытку своихъ собесѣдниковъ, опирающихся то на Юма, то на Шопенгауера, утверждать, что эти слова *ничего* или *почти ничего* не значать, постоянно продолжаетъ стоять на томъ, что употребляющіе эти слова какъ либо да понимаютъ ихъ, что нибудь да разумѣютъ подъ ними. Но такъ какъ въ этихъ разговорахъ рѣчь идетъ объ Юмѣ, Кантѣ, Шопенгауерѣ, Декартѣ, то можно сдѣлать только то заключеніе, что Сократъ, разсуждая о бытіи и утверждая, что это не пустое слово, а понятіе, имѣющее значение, и «первоначально», и въ послѣдствіи имѣль въ виду философское значение и опредѣленіе этого понятія, а вовсе *не* «определение бытія въ» (какомъ-то) «общечеловѣческомъ значеніи».

Подтвержденіе сейчасъ сказанному читатели «Своего Слова» видѣли и въ IV бесѣдѣ, гдѣ Сократъ упрекаетъ Декарта и другихъ философовъ въ томъ, что они «систематически не занимались изслѣдованіемъ» (конечно, философскимъ) «этого понятія», и наконецъ въ V бесѣдѣ, гдѣ Сократъ прямо говоритъ, что «искать разрѣшенія вопроса о понятіи бытія въ *общемъ мнѣніи* даже безполезно, потому что не только простые люди, но и философы не давали себѣ над-

лежащаго отчета въ томъ, что значитъ: быть, существовать» (стр. 40—41). Здѣсь уже, какъ нельзя болѣе, очевидно, что Сократъ не задается «опредѣленіемъ бытія въ общечеловѣческомъ значеніи», ибо «общее мнѣніе» и было бы такимъ опредѣленіемъ.

Но когда далѣе одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ, что «философы и обыкновенные люди имѣютъ какой либо критерій для отличенія вещей дѣйствительно — существующихъ отъ мнимыхъ», то Сократъ соглашается, «что у людей есть критерій для такого отличенія», и дополняетъ, что этотъ критерій «инстинктивный, не ясно сознаваемый и строго и точно не опредѣленный». Если, можетъ быть, эти слова послужили для Л. М. Лопатина поводомъ къ заключенію, что Сократъ «первоначально задался опредѣленіемъ понятія бытія въ его общечеловѣческомъ значеніи», то это — ошибка, потому что Сократъ такую задачу считаетъ безполезною на слѣдующемъ основаніи.

Формулу задачи, которую по мнѣнію г. Лопатина «первоначально» взялъ на себя Сократъ, по моему, иначе понимать нельзя, какъ такъ, что будто онъ хотѣлъ найти опредѣленіе понятія бытія, съ которымъ *согласны всѣ люди*, или которое *принято всѣми людьми*. Но такихъ опредѣленій не только для понятія бытія, но и для многихъ другихъ не существуетъ; и если предположить, что они когда либо и будутъ существовать, то развѣ въ чрезвычайно отдаленномъ будущемъ. Только отсутствіемъ одинаково мыслимыхъ и далѣе одинаково опредѣляемыхъ или формулируемыхъ людьми понятій и объясняются споры, всегда, всюду и обо всемъ царствующіе между ними. По этой же причинѣ и вообще люди, а особенно ученые и философы, вступая въ общеніе другъ съ другомъ мыслю, требуютъ точныхъ опредѣленій понятій, или мыслей, соединяемыхъ съ употребляемыми ими словами, и требованіе это вполнѣ законное, потому что съ каждымъ словомъ одного и того же языка соединяются у различныхъ людей множество различныхъ понятій. Разумѣется, чѣмъ *сложнѣе* понятіе и чѣмъ *продолжительнѣе и темнѣе* процессъ его образованія, т. е., чѣмъ больше вошло въ его единство отдѣльныхъ *актовъ мышленія* и чѣмъ безсознательнѣе соверша-

лись эти акты, далъе, чѣмъ болѣе соотносящихся элементовъ обнимаются этимъ единствомъ и мыслятся въ немъ какъ нераздѣльное цѣлосъ, наконецъ чѣмъ большее число частныхъ точекъ зренія подчиняется, въ сознаніи этого единства, одной общей точкѣ зренія тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы многіе люди одинаково ясно сознавали и мыслили такое понятіе и чтобы одинаково опредѣляли слово, которымъ оно обозначается и называется. Такъ какъ понятіе бытія вмѣстѣ со многими другими интеллектуальными понятіями (причина, слѣдствіе, тождество, различіе, дѣйствіе, страданіе и проч. и проч.) въ высшей степени сложно по сей часъ описанному происхожденію и составу, то, очевидно, что Сократъ всего менѣе могъ задаваться намѣреніемъ «опредѣлить его въ общечеловѣческомъ значеніи», т. е., такъ, какъ опредѣляютъ всѣ люди.

Но теперь спрашивается, не стоитъ-ли сейчасъ сказанное мною въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Сократа, что будто бы у всѣхъ людей есть «инстинктивный, не ясно сознаваемый и неопределенный критерій для различенія существующаго отъ несуществующаго?» Нисколько не стоитъ! отвѣчаю я, потому что основной источникъ для выработки понятія бытія, а именно: первоначальное сознаніе собственной субстанціи, ея дѣятельностей и содержанія или актовъ, доступенъ не только всѣмъ людямъ, но даже и животнымъ; но животнымъ совсѣмъ не доступно, а людямъ далеко не въ равной степени доступно мышленіе, т. е., приведеніе въ соотношеніе элементовъ первоначального сознанія и пониманіе ихъ въ этомъ соотношеніи, что и даетъ идею бытія. Какъ скоро дитя выходитъ изъ животнаго состоянія и начинаетъ знакомиться съ языкомъ, этимъ хранилищемъ мышленія предковъ, такъ уже и начинается у него инстинктивная (безотчетная) работа мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе понятія бытія. Но такъ какъ упражненіе въ мышленіи для человѣческихъ существъ не легко, да и досуга на то у большинства ихъ неѣть, то и существуетъ много ступеней въ ясности и выработкѣ понятія бытія: огромное большинство людей такъ и не выходятъ со ступени инстинктивнаго, дѣтскаго понятія бытія, къ которому примѣшивается масса ошибокъ, заблужденій, происходя-

щихъ отъ недостатковъ самого мышленія, отъ дѣятельности фантазіи, отъ механической ассоціаціи идей и т. под. Но это никакъ не мѣшаетъ тому, что и въ каждомъ ложномъ понятіи бытія и его опредѣлениі таится нѣкоторое зерно истины, которое въ большей или меньшей степени сознается всѣми людьми и даетъ имъ возможность иногда очень вѣрно отличать истинно-существующее отъ мнимаго. Что-же касается до Сократа съ Песковъ, то, имъя потребность въ ясно сознаваемомъ и логически обоснованномъ понятіи бытія, онъ вполнѣ естественно и законно искалъ его не въ общемъ («общечеловѣческомъ») мнѣніи, а у философовъ, при помощи которыхъ и старался выработать такое опредѣлениѣ этого понятія, которымъ бы покрывалось «истинно сущее въ метафизическомъ смыслѣ», т. е., опредѣленіе, имѣющее право войти въ науку, называющуюся философіей.

Недоумѣваю я также, что хочетъ сказать почтенный авторъ словами: «мы говоримъ (вездѣ-то эти «мы!»): есть деньги, есть домъ, есть платье;» говоримъ также (добавлю ужъ я отъ себя): есть *дыра* на платьѣ, есть *недостатокъ* въ деньгахъ и проч. Не думаетъ-ли Л. М. Лопатинъ, что на Сократъ съ Песковъ лежала задача найти такое «общечеловѣческое опредѣлениѣ бытія», подъ которое подходили бы и которымъ объяснялись бы всѣ выраженія, въ какихъ «мы» вздумаемъ употреблять слова: быть, есть и проч.? Нѣтъ, могу я смѣло сказать, Сократъ не намѣревался найти такое опредѣлениѣ понятія бытія, подъ которое подходило бы не только бытіе «дома, платья и денегъ», но даже бытіе *дыры* и *недостатка*. Сократъ думаетъ, что изслѣдователь разнообразныя значенія, въ которыхъ можетъ употребляться какое либо слово въ ходячемъ языкѣ составляетъ главнымъ образомъ обязанность лексикографа и грамматика, а не философа. Конечно, и философы имѣютъ полное право пользоваться, — какъ это, напр., весьма благоразумно и умѣстно для своего времени дѣлалъ Аристотель и не совсѣмъ умѣстно и благоразумно для своего времени дѣлалъ Гегель—сокровищницей языка, какъ пособіемъ при изслѣдованіи и опредѣленіи содержанія понятій: но все таки главнымъ средствомъ для философа

въ дѣлѣ образованія входящихъ въ его науку понятій и ихъ основательныхъ опредѣленій должно служить не сохранившееся въ языкѣ мышленіе предковъ, а изученіе мышленія философовъ о тѣхъ явленіяхъ сознанія, которыя повели людей къ понятію бытія и ему подобнымъ. Изученіе же это должно быть непремѣнно соединено у философа съ *собственнымъ*, на сколько то возможно, *энергическимъ мышленіемъ*, въ которомъ онъ долженъ критически сравнить результаты мышленія всѣхъ, особенно же великихъ философовъ, основательно изучить и проверить всѣ пункты сознанія, которые вели ихъ къ вопросамъ о бытіи или небытіи и прибавить къ нимъ, если это возможно, новые пункты, пропущенные философами, привести новое въ правильное соотношеніе съ старымъ и, въ концѣ концовъ, принять, или *видоизмѣнить*, или же *устранить* совсѣмъ прежнія философскія опредѣленія бытія и на мѣсто ихъ *поставить новые*. Однимъ словомъ, Сократъ долженъ быть, по отношенію къ понятію бытія и другимъ, дѣлать то-же, что дѣлали занимавшіеся философией съ незапамятныхъ временъ и что дѣлалъ, какъ мы это видимъ, и самъ авторъ «Положительныхъ задачъ философіи». Значить, главное дѣло въ томъ, вѣрно или невѣрно у Сократа понятіе бытія? Л. М. Лопатинъ замѣчаетъ, что оно заключаетъ въ себѣ «важное недоразумѣніе», но бросаетъ это замѣчаніе такъ мимолетно и не достаточно ясно, что, къ сожалѣнію, мы съ Сократомъ не можемъ воспользоваться этимъ замѣчаніемъ для своего назиданія и выхода изъ «важнаго недоразумѣнія».

Но, какъ известно читателямъ «Своего Слова», въ немъ есть мѣста, гдѣ Сократъ, какъ-бы по инстинкту предупреждая замѣчанія, сдѣянныя Л. М. Лопатинымъ на основаніи разнообразнаго употребленія въ языкѣ словъ: быть, есть, говорить (см. тамъ-же стр. 67—68), «что слово: быть, и въ древности, и теперь употребляется въ народномъ языкѣ въ разныхъ значеніяхъ, совершенно чуждыхъ тому понятію, которое соответствуетъ этому слову въ философіи, и что слѣдуетъ принять за правило: въ серьезномъ разговорѣ (конечно, и въ философскихъ сочиненіяхъ, добавлю я) «употреблять слово: бытіе, только тамъ, гдѣ подразумѣвается то особое понятіе», ко-

торое на столько «важно для философії, что различіе у философовъ въ опредѣлениі этого понятія ведеть эту науку къ распаденію на нѣсколько враждебныхъ направленій». Въ другомъ мѣстѣ (стр. 103) Сократъ не говоритъ отъ себя, но соглашается съ своимъ собесѣдникомъ, «что слово: быть, въ многочисленныхъ выраженіяхъ употребляется иносказательно и вмѣсто многихъ другихъ словъ». Значитъ, примѣня эти слова Сократа, къ, указаннымъ г. Лопатинымъ, выраженіямъ, которыя употребляемъ «мы», можно смѣло настаивать, что Сократъ въ этихъ выраженіяхъ не видить ничего опровергающаго его понятіе бытія и не только не думаетъ «примѣнять его къ нимъ съ большой натяжкой», но просто совсѣмъ не видить надобности, въ, какомъ бы то ни было, примѣненіи. Онъ полагаетъ, что, когда говорять: «есть деньги, есть платье», то вовсе не думаютъ о бытіи денегъ или платья, а просто употребляютъ слово: есть, вмѣсто другихъ словъ. Когда говорять: у NN есть деньги, то разумѣютъ, что NN имѣть, обладаетъ, владѣетъ деньгами; или когда говорять: здѣсь (напр., въ сундукѣ) есть платье, то это значитъ, что платье лежитъ, сохраняется въ сундукѣ; на платьѣ есть дыра—значить: платье разорвано и т. под.

Но не смотря на все сейчасъ сказанное, Л. М. Лопатинъ все таки могъ-бы настаивать на томъ, что вопросъ о существованії дома платья и т. под. можетъ быть поставленъ и не иносказательно, а въ строго философскомъ смыслѣ. Но, вѣдь, это уже совсѣмъ другой вопросъ, возразимъ мы съ Сократомъ, а именно: не общий вопросъ о бытіи, а частный—о бытіи материального міра; но тѣмъ не менѣе опредѣленіе понятія бытія, данное въ «Своемъ Словѣ», отвѣчаетъ и на него. Отвѣтъ состоить въ томъ, что предметы этого міра существуютъ не сами по себѣ, а только въ актахъ воображенія, мышленія, вообще представленія дѣйствительныхъ существъ. Бытіе, соотвѣтствующее этимъ предметамъ, исчерпывается опредѣлениемъ бытія акциденцій, которое взятое въ отдѣльности безъ подведенія его низшей точки зрѣнія подъ высшую,—бытія субстанціального было-бы одностороннимъ, а потому и ложнымъ. Но въ полномъ опредѣлениі бытія, данномъ Сократомъ, эта односторонность, устранена.

Кажется, я достаточно объяснился по всѣмъ пунктамъ замѣчанія, обращенного Л. М. Лопатинымъ къ опредѣленію бытія на стр. 53 «Своего Слова», за исключеніемъ какъ-бы вскользь брошенного *подозрѣнія*, что оно заимствовано у Лотце; но обѣ этомъ предметѣ я скажу при разборѣ характеристики этого понятія, сдѣланной самимъ Л. М. Лопатинымъ, къ которой сейчасъ и обращаюсь.

Впрочемъ, чтобы мой разборъ не послужилъ поводомъ къ недоразумѣніямъ особенно у читателей, не знакомыхъ съ сочиненіемъ г. Лопатина, я изложу ходъ его мысли при опредѣленіи понятія бытія. «Установить смыслъ его, по автору, довольно трудно», потому что, какъ самое высшее отвлеченіе, оно недоступно «определѣленію въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ нельзя указать ни ближайшаго рода, ни видовыхъ отличій». Но тѣмъ не менѣе, если это понятіе не должно быть «пустымъ словомъ, то для отчетливаго мышленія должны быть ясно отмѣчены и отношенія понятія бытія къ другимъ понятіямъ и его признаки».... «Гегель былъ правъ въ томъ, что считалъ понятіе бытія самымъ неопределеннымъ и бесодержательнымъ».... «Идея бытія, взятая въ ея чистой всеобщности, безъ всякаго указанія на качество, количество или отношеніе въ существующемъ, не отличалась-бы отъ небытія». Положеніе Гегеля: «чистое бытіе есть чистое ничто», справедливо, по мнѣнію автора; «есть, сказанное безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, по смыслу не различится отъ *nichts*». Но и «Гегель не остановился на этомъ равенствѣ», и Л. М. Лопатинъ думаетъ, «что, хотя бытіе, въ его чистой отвлеченности, неразличимо сливаются съ ничтожествомъ, все-таки мы не можемъ вырвать изъ себя глубокаго сознанья, что здѣсь отождествляются совершенно *противоположныя понятія*». Въ понятіи бытія заключается «нѣчто специфическое, такой характерный для него признакъ, черезъ удаленіе котораго и образуется понятіе небытія. «Слишкомъ ясно, продолжаетъ авторъ, что бытіе и ничто относятся между собою какъ *положеніе* и *отрицаніе*, взятыя въ самомъ общемъ и въ то-же время безусловномъ значеніи слова. Вотъ почему мысль никогда не можетъ ихъ совсѣмъ слить, а развѣ толь-

ко переходить отъ одного къ другому (это у Гегеля и выражается въ понятіи *Werden*)».

Здѣсь Л. М. Лопатинъ отъ Гегеля переходитъ къ Канту и напоминаетъ его опредѣленіе бытія, по которому оно есть «положеніе (Position) вещи или извѣстныхъ свойствъ, по себѣ взятыхъ». «Если этотъ признакъ *положенія* отбросить», говоритьъ авторъ уже отъ себя, «то между бытіемъ и ничтожествомъ не окажется никакой разницы, но за то у насть не останется и понятія о бытіи». Уясняя далѣе значеніе термина: «положеніе», г. Лопатинъ отождествляетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терминъ: бытіе, съ терминами: «фактъ, наличность, данность». Въ этомъ положеніи, по его мнѣнію, мы не только ставимъ вещь, какъ нѣчто нами мыслимое, какъ наше ощущеніе, «но разумѣемъ ея бытіе въ смыслѣ независимости отъ насть данности помимо насть».... «Если-бъ мы думали, что свойства предмета ничѣмъ виѣ насть не полагаются и самъ онъ никакъ объективно не установленъ, мы не говорили-бы о его независимомъ существованіи,— но сочли-бы его нашею мечтою! «Положеніе или утвержденіе совершаются не только въ насть, но и виѣ насть».... «Въ самой сущности понятія бытія заключено отношеніе между полагающимъ актомъ какъ источникомъ или основаніемъ и данной наличностью существующей вещи, какъ его дѣйствиемъ».... «Безъ дѣйствованія немыслимо бытіе; съ самымъ кореннымъ значеніемъ понятія бытія логически срослись основные моменты дѣйствованія».

Теперь я приведу важнѣйшія положенія г. Лопатина, въ которыхъ онъ, повидимому, отъ Канта переходитъ къ Лейбничу и сводить понятіе бытія къ понятію дѣйствія, или опредѣляетъ первое посредствомъ второго. «Всякое данное бытіе, говорить онъ, есть непремѣнно осуществленіе акта»... «Положеніе въ противоположность отрицанію, утвержденіе, постановліе, данность—все это лишь очень общія обозначенія дѣйствія или результатовъ дѣйствія». Тотъ же смыслъ имѣютъ и слова, указывающія на «предстоящую намъ реальность, каковы: дѣйствительность, явленіе, фактъ, феноменъ и т. д.». Но что разумѣеть авторъ подъ понятіемъ дѣйствія? Отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «дѣйствіе, по самому своему

понятію, есть реализація моши, въ нёмъ себя утверждающей; следовательно, если бытіе и дѣйствованіе неразрывны, всякое бытіе подразумываетъ осуществленіе силы. Все, что существуетъ, есть или дѣятельная, себя полагающая сила (*субстанція*), или явленіе силы (*отдѣльный актъ*), или способъ дѣйствія силы (*свойство*). Это заключеніе можно отрицательно обобщить въ формулѣ Лейбница, приведенной выше: «*что не дѣйствуетъ*» (или не выражаетъ дѣйствія), *то не существуетъ*.... «Все нами испытываемое мы непосредственно знаемъ, какъ свое или чужое дѣйствіе. Теперь мы можемъ сказать, что не только наше непосредственное знаніе, но все человѣческое знаніе вообще находится въ дѣйствованіи свое предѣльное понятіе».... «Все наше сознательное существованіе является постояннымъ взаимодѣйствиемъ нашего я и внѣшней дѣйствительности; для всего, происходящаго въ насъ можно указать одинъ общій признакъ: оно всегда есть актъ (нашъ или чужой), и это не только нами предполагается, но прямо и непосредственно сознается».... «Всё дается нашему сознанію и пониманію въ формѣ дѣйствія, и стало-быть тамъ, где никакого акта нѣть, для нашего усмотрѣнія не оказывается ровно ничего. Итакъ, понятіе о какой бы то ни было *данности* и понятіе *активности*, не только для непосредственного сознанія, но и для самого отвлеченаго пониманія—неизбѣжно совпадаютъ между собою: по коренному устройству разума идея о бытіи не должна содержать ничего другого, кроме мысли о дѣйствованіи въ его наиболѣе общемъ значеніи».

Наконецъ въ своемъ опредѣленіи понятія бытія Л. М. Лопатинъ дѣлаетъ еще шагъ и приводитъ его, по моему, къ понятію причинности. «Приписывая чему нибудь бытіе», говоритъ онъ, «мы утверждаемъ некоторое обнаруженіе силы. Или иначе, полагая бытіе чего нибудь, мы тѣмъ самымъ въ немъ признаемъ *причинность*».... «Положенія: все существующее имѣетъ причину, и все существующее есть источникъ дѣйствій,—становятся аналитически очевидными; если мы вѣрно опредѣлили содержаніе понятія бытія, оба эти утвержденія обнимаются и подразумѣваются въ тождественномъ сужденіи: *все существующее существуетъ*. Другими словами, наши понятія причин-

ности и бытія выражаютъ одну и ту же идею: въ мысли о причинности мы раздѣльно понимаемъ то самое, что подразумѣвательно и слитно, хотя и неизбѣжно, усвоиваемъ въ мысли о бытіи»....«Причинность должна быть вездѣ, гдѣ есть *бытие*. И только полное отсутствіе существованія—въ какомъ-бы то ни было смыслѣ—можетъ обеспечить вещи отъ подчиненія этому основному закону не только ума, но и всей дѣйствительности».

Этимъ отождествленіемъ понятія бытія съ причинностью Л. М. Лопатинъ и исчерпываетъ свое опредѣленіе этого понятія. Мнѣ остается только привести еще нѣсколько положеній изъ его сочиненія, въ которыхъ онъ отвѣчаетъ на вопросъ: «къ какому порядку истинъ принадлежитъ законъ причинности?» Оказывается, что это «истина умозрительная», а такъ какъ, по мнѣнію автора, «всѣ умозрительныя истины имѣютъ въ себѣ нѣчто условное», т. е., что онъ «для своего приложенія требуютъ наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ», то спрашивается: «есть-ли причинность только *условная* истина?» «Въ отвлеченномъ смыслѣ,» отвѣчаетъ авторъ, «это будетъ вполнѣ справедливымъ: и она прилагается подъ известнымъ *условиемъ*. Но это условіе заключается въ обладаніи *бытиемъ* вообще; а это значитъ, что въ *реальному* смыслѣ законъ причинной связи представляетъ совершенно безусловную истину: въ немъ самомъ коренное условіе всякой реальности. Нераздѣльность бытія и причинности есть высшая истина отвлеченного пониманія и въ тоже время въ ней выражается самоочевидная достовѣрность показаній нашего непосредственного сознанія: следовательно, и съ точки зренія субъективнаго происхожденія въ нашемъ умѣ, она можетъ быть отнесена къ разряду истинъ, которыя мы назвали *идеально-реальными*» *).

Мнѣ было бы горько, если-бы уважаемый Л. М. Лопатинъ или кто-либо изъ читателей подумали, что слѣдующія мои критическія

*.) Всѣ сейчасъ приведенные мною буквально положенія Л. М. Лопатина взяты изъ 2-й части его сочиненія и составляютъ сокращеніе главы, имѣющей заглавіе: «Законъ причинности и понятіе бытія». Стр. 224—236.

замѣчанія на его понятіе бытія вызваны желаніемъ, во что-бы то ни стало, не соглашаться съ нимъ и *смѣто стоять* на своемъ опредѣленіи бытія. Заранѣе протестую я также противъ объясненія ихъ чрезмѣрною придирчивостью, которая, забывая трудности вопроса, безразсудно требуетъ *полной ясности и прозрачности* тамъ, гдѣ весьма цѣнно хотя бы и не полное его освѣщеніе. Наконецъ, еще болѣе я сталъ бы протестовать и противъ объясненія моихъ замѣчаній *поверхностнымъ и невнимательнымъ* отношеніемъ къ мысли разбираемаго автора. Нѣтъ! позволю я себѣ сказать, положа руку на сердце: и самоувѣренность у меня умѣренная; и вполнѣ ясно сознаю я всѣ затрудненія, соединенные съ понятіемъ бытія, и наконецъ, по мѣрѣ силъ, внимательно обдумывалъ всѣ положенія и объясненія Л. М. Лопатина. Но если, не смотря на искреннее влеченіе къ согласію съ нимъ, я все таки не могу согласиться съ его опредѣленіемъ понятія бытія и остаюсь при своемъ, то происходитъ это отчасти въ слѣдствіе *ясно сознаваемаго мною различія* въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ моихъ философскихъ воззрѣній отъ воззрѣній Л. М. Лопатина, отчасти-же вслѣдствіе *неполной понятности* для меня его міросозерцанія въ цѣломъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ. Разумѣется, я считаю возможнымъ, что и въ первомъ отношеніи различіе моихъ философскихъ воззрѣній отъ воззрѣній Л. М. Лопатина зависитъ отъ того, что мои ошибочны, а его вѣрны;—и во второмъ отношеніи, что вина моего непониманія его философскаго міросозерцанія, можетъ быть, лежитъ на мнѣ; но однако, пока меня въ томъ кто-либо не убѣдить, я допускаю эту возможность только въ принципѣ.

Въ самомъ началѣ своего разбора я ставлю вопросъ: дѣлаетъ ли Л. М. Лопатинъ «определение понятія бытія въ его общечеловѣческомъ значеніи» или же «излагаетъ то, что, по его мнѣнію, составляетъ истинно-сущее въ метафизическомъ смыслѣ», т. е., по моему, въ томъ, въ какомъ обыкновенно дѣлаютъ это философы. Прежде всего, кажется, слѣдуетъ отвѣтить, что дѣлаетъ «определение понятія бытія въ общечеловѣческомъ значеніи», потому что, дво первыхъ, было бы странно, еслибы почтенный авторъ упрекалъ другого (т. е. меня) въ невыполненіи того, чего онъ и самъ не дѣлаетъ.

лаеть, а во вторыхъ онъ вездѣ говорить: «мы», «мы»; значить разумѣть подъ этимъ мѣстоименіемъ не только себя, Гегеля, Канта, Лейбница и проч., но и, напр., нѣкоего Емельяна, постоянную функцию котораго составляетъ: вносить къ жильцамъ большого дома вязанки дровъ и выносить отъ нихъ помои и разный мусоръ, и для котораго вся *суть бытія* звучитъ въ одномъ словѣ: *сороковка*. Но съ другой стороны, когда я подумаю, что едва ли въ сознаніи этого Емельяна, хотя-бы самымъ смутнымъ образомъ, мелькало, что, когда онъ говоритъ слова: есть, не есть и проч., то онъ мыслить «чистую всеобщность» или «чистую отвлеченность», или пожалуй, что онъ разумѣть «чистое бытіе или чистое ничто»; или-же, что онъ «пологаетъ, ставить данность вѣнѣ нась», или что онъ понимаетъ подъ словомъ: есть, «реализацію мощи, осуществлениe силы» и т. под., то, мнѣ кажется, будетъ вѣрнѣе остановиться на томъ, что Л. М. Лопатинъ употребляетъ словечко: «мы» только по обычаю и что на самомъ то дѣлѣ онъ, подобно Сократу съ Песковъ, дѣлаетъ определеніе «истинно-сущаго въ метафизическомъ смыслѣ».

Но, склоняясь къ этому решенію, я поставлю *другой вопросъ*, какимъ путемъ ищетъ Л. М. Лопатинъ философское определеніе понятія бытія. Хотя я, можетъ быть, и ошибаюсь, но кажется, что онъ сперва исходитъ изъ определенія бытія Гегеля и потомъ какъ-бы для дополненія и разъясненія этого определенія вставляетъ определеніе Канта. Далѣе во время поясненій кантовскаго определенія авторъ какъ-бы незамѣтно, такъ сказать, скользя въ воздухѣ, переходитъ къ определенію взятыму изъ философіи Лейбница, такъ что кантовское «положеніе», принимаетъ смыслъ «дѣйствованія, дѣйственности, дѣйствія», которыя, въ свою очередь, тоже путемъ легкой метаморфозы проходятъ въ понятіе причинности, которое, въ концѣ концовъ, и становится на мѣсто понятія бытія. Отъ причинности-же вообще уже рукой подать къ «причинности творческой» (стр. 268); и.... «система конкретнаго спиритуализма» (стр. 311), готова.

Когда я впервые знакомился съ этимъ ходомъ мысли Л. М. Лопатина въ определеніи понятія бытія, то нашелъ его очень острумымъ. Но когда я потомъ сталъ размышлять надъ нимъ съ боль-

шимъ вниманіемъ, то увидалъ, что остроуміе не помѣшало ему быть искусственнымъ и натянутымъ. Искусственъ этотъ ходъ, во-первыхъ, уже потому, что не совпадаетъ съ историческимъ; у г. Лопатина не Кантъ и Гегель исходятъ изъ Лейбница, а наоборотъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что для опредѣленія бытія, къ которому пришелъ окончательно Л. М. Лопатинъ, ему совсѣмъ не нужны были Кантъ и Гегель, какъ потому, что нельзя естественнымъ образомъ согласить опредѣленіе бытія Гегеля съ опредѣлениемъ Канта, такъ и потому, что совсѣмъ нельзя связать ихъ опредѣленія съ опредѣленіями Лейбница и самого Л. М. Лопатина. Конечно, помощь Лейбница была весьма полезна для почтенного автора, но не подлиннаго Лейбница, а, такъ сказать, подкрашеннаго въ духѣ Шеллинга. Мое утвержденіе о безполезности Гегеля въ решеніи вопроса о понятіи бытія вообще и въ частности для Л. М. Лопатина, надѣюсь, будетъ понятно читателямъ «Своего Слова», которые уже видѣли, что Гегель, по самому своему методу, подъ словомъ: бытіе, принципіально не могъ и не долженъ быть мыслить ничего другого, кроме «ничто», и что съ своей точки зренія онъ совершенно вѣрно считалъ мнѣніе, что будто это «совершенно противоположныя понятія», ложнымъ и вульгарнымъ мнѣніемъ толпы. Да и самъ Л. М. Лопатинъ считаетъ Гегеля правымъ и повторяетъ его мысль, что бытіе есть «бесодержательное, неразличимо сливающееся съ ничтожествомъ» понятіе. Конечно, онъ сейчасъ же и противорѣчитъ себѣ, ссылаясь на то, что «мы (т. е. «общечеловѣческое», ходяще мнѣніе, по Гегелю) не можемъ вырвать изъ себя глубокаго сознанія» обѣ этой противоположности. Но въ этомъ противорѣчіи г. Лопатинъ только слѣдуетъ примѣру Гегеля, который вместо безплоднаго топтанья на одномъ мѣстѣ съ одной ноги (чистаго бытія) на другую (чистое ничто), какъ слѣдовало бы ему дѣлать, если-бы онъ былъ послѣдователенъ, въ угоду своей системѣ произвольно прыгаетъ на новое мѣсто, сомнительное, съ логической точки зренія, понятіе *становленія* — Werden *). Такъ и у

*.) Кстати, я считаю голословнымъ мнѣніе Л. М. Лопатина, что будто бы въ переходѣ Гегеля отъ бытія и ничто къ понятію станов-

почтеннаго автора только, въ силу магического возгласа: «слишкомъ ясно» *), «бытие и ничто» произвольно подмываются понятіями «положенія и отрицанія».

Но отсылая читателей къ сказанному о Гегель въ VI-ой Бесѣдѣ «Своего Слова», я прибавлю только нѣсколько словъ о томъ, что абстракція, въ которой Гегель, а вмѣстѣ съ нимъ и Л. М. Лопатинъ видятъ средство для образованія понятія бытія, не пригодна для этой цѣли. Дѣло въ томъ, что Гегель и всѣ сторонники абстракціи тихомолкомъ предполагаютъ, что будто-бы бытие какъ-либо да входитъ въ качествѣ элемента въ содержаніе другихъ понятій и особенно понятій, образующихся путемъ опыта. По этому предположенію, бытие относится къ другимъ признакамъ понятій такъ-же, какъ соль къ водѣ, въ которой она распущена; а методъ абстракціи соответствуетъ процессу выпаривания, послѣ котораго вода улетучивается, а соль остается въ осадкѣ. Такъ и путемъ отвлеченія изъ конкретныхъ понятій или представлений удаляется все частное, индивидуальное и опредѣленное и останется нѣчто общее, принадлежащее всѣмъ имъ, т. е., бытие. Ошибка этого предположенія состоитъ въ смутности понятій объ источни克ѣ, изъ котораго происходитъ понятіе бытія. Источникъ этотъ вовсе не есть первоначальное знакомство со множествомъ какихъ-либо вещей, событий, явлений и т. под. (или точнѣе относящихся къ нимъ представлений), которые мы подводимъ подъ понятіе бытія, а главнымъ образомъ, если не исключительно—знакомство съ единственою вещью, именно съ самимъ собою **). Это понятіе ленія «имъ не руководило только желаніе, во что бы то ни стало, привести полученныхъ понятія въ діалектическое движение» (стр. 225). Я съ своей стороны думаю напротивъ, что вполнѣ искусственная метода Гегеля только и могла подкрѣпляться такими кунстштиоками, какъ переходъ бытія въ ничто и т. д.

*) Кому какъ? а мнѣ такъ совсѣмъ не «ясно!»

**) Конечно, одновременное и слѣдующее за тѣмъ знакомство съ другими вещами можетъ служить къ уясненію и укрѣplenію въ сознаніи этого первоначального понятія бытія, но, какъ свидѣтельствуетъ опытъ и исторія, можетъ также и исказить это первоначальное, еще не укрѣпившееся, а потому нѣсколько смутно сознаваемое, понятіе.

бытія, образующееся на одномъ экземпляре или примѣрѣ, и переносится нами, по аналогіи, на всѣ другія существа, вѣрно или ошибочно принимаемыя за подобныя намъ. Поэтому какъ понятіе бытія, такъ и всѣ другія интеллектуальныя понятія никогда и не могутъ быть найдены путемъ абстракціи, потому что ихъ собственно и нѣть въ содержаніи тѣхъ представлений или понятій, которыя мы подводимъ подъ эти интеллектуальныя понятія. Они присоединяются къ понятіямъ въ качествѣ предикатовъ только отъ насъ и въ силу нашей мысли, а потому и послѣ абстракціи остаются, такъ сказать, у насъ-же, т. е., при абстрагирующемъ, что и указано мною тамъ-же. Впрочемъ, это было понято и Кантомъ но только выражено не ясно; а кромѣ того онъ сдѣлалъ изъ этого ложные выводы, потому что имѣль сенсуалистическія, одностороннія, а потому не состоятельныя понятія какъ бытія, такъ и опыта*).

Возвращаясь опять къ разбору разсужденій Л. М. Лопатина въ

*.) Кстати, хотя и я, слѣдуя обычаю, употребляю термины: опытное, интеллектуальное понятіе (или понятіе разума) и т. под., но однако я не соединяю съ этими терминами обычного смысла, а потому вовсе не ставлю ихъ въ противоположность. По моему, *опытъ* рѣшительно ничего *не понимаетъ*, а понимаетъ только одинъ разумъ, или, говоря точнѣе, понимаютъ разумныя существа, каковы, напр., люди, а потому, въ сущности, всѣ понятія интеллектуальны. Но такъ какъ человѣкъ, когда онъ мыслить и понимаетъ, въ то же время осуществляетъ и другія свои функции: ощущаетъ, чувствуетъ и проч., то вообще онъ все, понимаемое имъ, съ той или другой точки зренія, *испытываетъ*, а также испытываетъ и это самое пониманіе или, иначе говоря, сознаетъ непосредственно свою мыслящую дѣятельность, а потому опытъ участвуетъ и въ интеллектуальныхъ понятіяхъ. Не имѣя возможности обойтись безъ употребленія терминовъ: опытъ, абстракція, фактъ, явленіе и т. под., я однако не соединяю съ ними наиболѣе распространенного въ современной философіи смысла. Для читателей «Своего Слова» я скажу, что въ свое время и на своемъ мѣстѣ всѣ эти термины будутъ постепенно объяснены съ надлежащею подробностью.

определены понятием бытия, я не могу согласиться с нимъ не только въ томъ, чтобы «положение или утверждение и отрицаніе» могли быть поставлены на мѣсто «бытия и ничто» Гегеля, но также и въ томъ, чтобы понятіе: «утвержденіе», было то же, что Кантъ разумѣлъ подъ своимъ терминомъ: «положение (Position)». Хотя термины: «утвержденіе и отрицаніе» и могутъ быть понимаемы вообще безъ отношенія къ какимъ-либо частнымъ соединеніямъ представлений или понятій, но однако они имѣютъ довольно определенный смыслъ, какъ *формы выражения* нашихъ мыслей, или какъ *формы сужденія*, ибо «положение или утверждение» есть понятіе о сопринаадлежности или о соединеніи въ единое цѣлое элементовъ сужденія—представлений субъекта и предиката вообще. Въ противоположномъ же утверждению отрицаніи мы понимаемъ невозможность соединенія въ одно цѣлое субъекта съ предикатомъ. Словомъ, объяснять ими и отождествлять съ ними «бытие и ничто» Гегеля, по моему, совершенно незаконно.

Что же касается до «положенія» Канта, то не смотря на тождество словъ, оно вовсе не равняется понятію «утвержденія (положенія)». Какъ известно читателямъ «Своего Слова» (IV Бесѣда и проч.), терминъ: «положеніе», означаетъ у Канта *) просто возник-

*) Здѣсь умѣстно сказать о нѣкоторыхъ формахъ выраженія мыслей Л. М. Лопатина, которыя, не способствуя ихъ ясности, только усиливаютъ затрудненія для пхъ пониманія. Я хочу сказать о практикуемой имъ въ своихъ разсужденіяхъ замѣнѣ одного термина многими другими безъ особыхъ однако определеній и объясненій этихъ многихъ. Точно также Л. М. Лопатинъ не снисходитъ до поясненія своихъ мыслей на примѣрахъ, на сравненіяхъ и уподобленіяхъ, а ведетъ свои разсужденія въ слишкомъ тяжелой, абстрактной формѣ. Такъ въ данномъ случаѣ кантовскій терминъ: «положеніе» объясняется на стр. 226 словами: «утвержденіе, постановленіе, наличность, данность». Если мы къ этому прибавимъ сказанное на стр. 228, что «положеніе» выражается еще «словами, въ которыхъ мы вообще характеризуемъ предстоящую намъ реальность, каковы: дѣйствительность, явленіе, фактъ, феноменъ и т. д.», то, да проститъ меня уважаемый авторъ за откро-

шее въ сознаніи представлениe, или образъ, или то, что онъ называеть «созерцаніемъ», къ которому еще нужно добавить, что оно «дано» въ чувственномъ опытѣ, чтобы это «положеніе» могло быть признано реальностью или дѣйствительностью. Во всякомъ случаѣ въ томъ, что Кантъ называеть «положеніемъ», вовсе еще нѣтъ ни «утверженія», ни противоположнаго ему «отрицанія», потому что для этого нужно, чтобы психическій актъ простого воспріятія или представления превратился въ актъ сужденія, къ которому всегда въ видѣ связки (*сопула*) уже приводитъ мысль о бытіи. Но если въ «положеніи» Канта еще нѣтъ ни «утверженія», ни «отрицанія», то тѣмъ менѣе можно допустить, какъ это желаетъ Л. М. Лопатинъ, что въ «положеніи» мы предполагаемъ вещь данною не только въ нась, но и «помимо нась, независимо отъ нась». Какъ, конечно, извѣстно это и Л. М. Лопатину, въ кантовой теоріи познанія что-либо понимается нами объективно только тогда, когда оно выражено въ сужденіяхъ, которые онъ называеть «*опытными* (*Erfahrungs-Urtheile*)», т. е., въ сужденіяхъ, подведенныхъ подъ категорію, о чёмъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ въ «положеніи», т. е., при сознаніи только наличнаго представления.

Ко всему сейчасть сказанному я долженъ еще прибавить, что у Канта понятіе бытія опредѣляется не только этимъ понятіемъ «положенія», но и еще понятіями: «реальность и дѣйствительность» принадлежащими къ группамъ категорій качества и категорій модальности *). Если-бы, кажется мнѣ, Л. М. Лопатинъ желалъ имѣть

венное слово, это прибавленіе къ одному термину многихъ новыхъ безъ определенія ихъ не только не уясняетъ термина Канта «положеніе», но можетъ окончательно сбить съ толку читателя. Мнѣ кажется, что вместо всѣхъ этихъ словъ Л. М. Лопатину должно было обратиться къ самому же Канту за объясненіемъ того, что онъ разумѣетъ подъ своимъ терминомъ: «положеніе», и вообще подъ бытіемъ. Это объясненіе, какъ извѣстно Л. М. Лопатину, находится даже и въ томъ самомъ мѣстѣ «Критики чистаго разума», изъ котораго и взята имъ цитата.

*) Кстати возникаетъ слѣдующій вопросъ: употребляетъ ли Л. М.

въ опредѣлениі бытія Канта *исходную точку* для собственного опредѣленія съ отчетливымъ о томъ сознаніемъ, то онъ непремѣнно остановился-бы надъ этими тремя опредѣленіями, сравниль ихъ и объяснилъ во взаимной связи. Но, по отсутствію такого сравненія, я позволяю себѣ думать, что вышеозначенного намѣренія у почтеннаго автора не было, и повторю уже высказанное мною мнѣніе, что вообще затрогивать Гегеля и Канта логически обоснованной надобности не видно. Окончательнымъ же подкрѣпленіемъ для этого мнѣнія можетъ послужить то соображеніе, что понятіе бытія Гегеля и Канта вмѣстѣ съ цѣлыми системами этихъ мыслителей принадлежать къ различнымъ философскимъ направленіямъ какъ относительно другъ друга, такъ и относительно Лейбница. Гегель послѣдовательный *идеалистъ*, признающій реальное существованіе только однихъ понятій, Кантъ же, на сколько приложима къ направленію его системы какая либо опредѣленная характеристика, всего скорѣе можетъ быть причисленъ къ скептицизму или позитивизму; Лейбницъ же былъ послѣдовательный спиритуалистъ. Наконецъ Гегель и Кантъ были, по моему, безполезны для Л. М. Лопатина потому, что, какъ мы сейчасъ это увидимъ, его собственное философское направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и понятіе бытія принадлежитъ совсѣмъ къ иному философскому типу, чѣмъ направление Гегеля и Канта.

Лопатинъ подобно Сократу съ Песковъ, слова: бытіе, дѣйствительность, реальность (см. Бесѣда IX, стр. 69), какъ синонимы, отличающіеся только «не важными оттѣнками», или же какъ-либо существенно различается всѣ эти три термина? Если вѣрно первое, то читатель въ теченіе цѣлой первой части сочиненія Л. М. Лопатина и большей половины второй, гдѣ постоянно встрѣчаются термины: реальность, реальный, дѣйствительность, дѣйствительный, имѣлъ дѣло съ понятіемъ бытія до его опредѣленія почтеннымъ авторомъ. Если же вѣрно второе, то въ тѣхъ случаяхъ, когда Л. М. Лопатинъ, при изслѣдованіи и опредѣленіи этого понятія, ссылается на предыдущее, у болѣе внимательного читателя можетъ возникнуть беспокойный вопросъ: что-же такое значили постоянно встрѣчавшіеся въ предыдущихъ разсужденіяхъ термины: реальность, дѣйствительность и проч.

Съ переходомъ къ определенію понятія бытія черезъ понятіе дѣйствія Л. М. Лопатинъ выходитъ, по моему, на путь, и ближайшій къ заранѣе намѣченной имъ цѣли и вообще болѣе вѣрный, чѣмъ «ничто» Гегеля и «положеніе» Канта. Но тѣмъ не менѣе, если только раздѣлять съ почтеннымъ авторомъ мнѣніе, что будто бы понятіе бытія должно «стоять на самой вершинѣ лѣстницы нашихъ отвлеченій» (224) и что будто бы «для определенія понятія въ строгомъ смыслѣ должно указать ближайшій родъ и видовое отличіе» (*Ibid.*), то нельзя не признать, что переходъ этотъ сдѣланъ *незаконно* и *насильственно*. Вѣдь, когда мы съ Гегелемъ и Л. М. Лопатинымъ отвлеклись отъ всякаго определенного содержанія и дошли до «бессодержательного бытія», равнаго «ничто», то ео *ipso* мы уже отвлеклись и отъ признаковъ «дѣйствія, дѣйствованія, дѣйственности» и т. под. *). Значить, опредѣлять бытіе посредствомъ этихъ понятій мы уже не имѣемъ права. Если понятіе бытія можетъ быть опредѣлено понятіями «дѣйствованія, дѣйственности» «въ самомъ общемъ смыслѣ» (228), то почему бы нельзя было опредѣлить его «какими нибудь ихъ особенными формами» (*Ibid.*), напр. ходьбой, щадой, питьемъ и т. д. Я думаю, что и вообще, и съ той точки зренія, на которой стоитъ авторъ, никакъ нельзя сказать, что «бытіе предполагаетъ дѣйствованіе», но напротивъ, что «*дѣйствованіе предполагаетъ бытіе*». Далѣе съ точки зренія теоріи определенія, которой онъ держится, понятіе бытія есть абстрактнѣйшее и самое общее, следовательно, оно составляетъ самый высшій родъ, которому можетъ быть *подчинено* и которымъ можетъ быть, въ концѣ концовъ, определено всякое другое понятіе, а также и понятіе дѣйствія и дѣятельности, но само никогда не можетъ быть определено никакимъ другимъ понятіемъ. Допустить, что бытіе опредѣляется посредствомъ дѣйствія, значитъ, допустить, что дѣйствіе есть *prius* бытія, что не

*.) Сколько хотите, скажу я, наберите словъ и терминовъ вмѣсто одного, а результатъ будетъ все одинъ и тотъ же: недостатокъ основаній въ мысли наборомъ словъ не восполнишь.

дѣйствіе есть видъ бытія, а напротивъ, что бытіе есть видъ дѣйствія *).

Но какъ бы то ни было, все-таки въ опредѣленіи понятія бытія понятіемъ дѣйствія Лейбницъ попадобился Л. М. Лопатину; и онъ предусмотрѣтельно заготовилъ себѣ его помошь еще въ предѣдущей главѣ («понятіе субстанціи и понятіе причинности»), взявъ у него опредѣленіе субстанціи, по которому она «есть существо, способное къ дѣйствію; состоитъ въ силѣ дѣйствованія и страданія» и проч. и проч. (см. стр. 215). Разумѣется, Л. М. Лопатинъ имѣлъ полное право прямо и просто примкнуть къ Лейбничу, безъ всякаго искусственнаго подхода отъ Гегеля и Канта, хотя еслибы онъ желалъ опредѣлить понятіе бытія съ точки зрењія философіи Лейбница, ему все-таки самому пришлось бы выработать полную формулу этого опредѣленія, потому что самъ Лейбницъ этого не сдѣлалъ, вѣроятно, подобно Декарту, думая, что всякому извѣстно, что значитъ: быть, существовать. Конечно, эта формулировка не затруднила бы почтеннаго автора, такъ какъ уже самимъ Лейбнициемъ были даны весьма важныя для того указанія **).

*) По моему, способъ опредѣленія черезъ родъ и видовое отличіе, конечно, правильный, но однако онъ вовсе не есть, какъ бы установленная какимъ-то освященнымъ ритуаломъ, принадлежность акта опредѣленія понятій. Эта форма опредѣленія не только не исключаетъ другихъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается неудобною для приложенія. Сущность опредѣленія понятія состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ указаніи тѣхъ пунктовъ сознанія, которые относятся другъ къ другу нашею мыслящею дѣятельностью и понимаются въ этомъ соотношеніи, какъ единое цѣлое, съ той или другой точки зрењія. Опредѣленіе черезъ родъ и видовое отличіе есть не болѣе, какъ частная форма такого указанія. Что же касается до такъ называемой абстракціи, то путемъ ея вовсе не образуется понятій; она можетъ быть полезною только при повѣркѣ уже образовавшихся понятій. Но, какъ я уже имѣлъ случай высказываться, болѣе обстоятельное изложеніе процесса образованія понятій будетъ предложено въ «Своемъ Словѣ» нѣсколько позднѣе.

**) Они состояли, напр., въ т.мъ, что Лейбнициемъ было ясно*

По Л. М. Лопатинъ *вовсе не желалъ* работать въ духѣ философіи Лейбница, и если въ данномъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, пользовался ею, то только какъ сподручной лѣсенкой для того, чтобы по ней перелѣзать съ понятія дѣйствія къ понятію причинности и потомъ взобраться на издавна облюбованную вершину «конкретнаго спиритуализма», гдѣ процвѣтаютъ: «необходимость творческая» и «причинность творческая», «производящая, порождающая новыя проявленія, новые акты», гдѣ всѣ понятія (бытія, причинности и проч.) имѣютъ «общечеловѣческое значеніе», гдѣ въ самыхъ важныхъ случаяхъ дѣйствуетъ не вульгарный «логическій разсудокъ», а высокій «творческій», хотя и не логическій, «разумъ», гдѣ есть реальности не только временные, но и «сверхвременные», гдѣ есть душевные акты не только сознательные, но и «сверхсознательные» и тому подобныя рѣдкія и чудныя вещи *).

Поэтому вполнѣ естественно, что осторожный и осмотрительный Л. М. Лопатинъ оставался вѣренъ системѣ «конкретнаго спиритуализма», не увлекаясь, *сверхъ надобности*, философіею Лейбница и не подвергаясь опасностямъ, которыми могло бы угрожать это увлеченіе. Такъ въ случаѣ увлеченія *психологическимъ детерминизмомъ* Лейбница Л. М. Лопатину предстояла бы опасность потерять возможность «творчества новыхъ проявленій и новыхъ актовъ**),

хотя и не безъ примѣсій двусмысленной декартовской «врожденности» сознано, что главный источникъ для понятія субстанціи и, следовательно, для признака неизмѣнного тождества и единства, который мыслится въ понятіи бытія (субстанціальное бытіе), мы имѣемъ въ самихъ себѣ. «Бытіе», говоритъ онъ, «намъ врождено, и знаніе о бытіи включено въ наше знаніе о самихъ себѣ». Точно также Лейбницемъ было указано, что и источникъ понятія дѣятельности и дѣйствія мы также имѣемъ въ самихъ себѣ.

*) Всѣ находящіеся здѣсь термины и понятія, отмѣченные ковычками, встрѣчаются всюду въ сочиненіи Л. М. Лопатина, но особенно обильно разсѣяны они въ 4-хъ послѣднихъ отдельахъ главы III первой части, а также въ IV главѣ и въ «Приложениі» второй части.

**) Не смотря на то, что Л. М. Лопатинъ много и часто гово-

и еще большая опасность впасть въ теорію «предустановленной гармонії», которая, по его мнѣнію, есть «самое бесплодное и безсодержательное измысленіе во всей исторіи метафизики» (стр. 385) *).

Ритъ о «творчествѣ», о «новыхъ проявленіяхъ», о «порожденіи, произведеніи новыхъ актовъ», я, признаюсь, все-таки не совсѣмъ понимаю, что онъ разумѣеть подъ этими терминами. Относительно «новаго» спрашивается: для *кого* и въ какомъ *отношениі* «новое»? Если не ошибаюсь, почтенный авторъ забываетъ, что *новое* не имѣеть никакого смысла безъ *отношенія къ старому*. Значитъ, можетъ-ли что либо быть новымъ или старымъ безотносительно? и какіе «акты или проявленія» должно называть «новыми» и какіе—старыми? Да-лѣе вообще темное въ философіи понятіе творчества не ясно и у почтеннаго автора. Разумѣеть-ли онъ, что черезъ акты творчества возникаютъ къ бытію, конечно, изъ небытія новые субстанціи, или же новые у этихъ субстанцій атрибуты (свойства, дѣятельности, или функции), какихъ въ мірѣ никогда прежде не было; или же онъ подъ творчествомъ новыхъ актовъ разумѣеть, напримѣръ, безко-нечно разнообразныя временные перемѣны, совершающіяся въ со-стояніяхъ внутри каждой субстанціи. Поставлю еще мой вопросъ въ другой формѣ: творятъ или порождаютъ ли «новое» только субстан-ціи, дѣйствующія «разумно-творчески»? Или же порождаютъ «новое» и субстанціи, дѣйствующія только разсудочно-логически, и далѣе жи-вотныя, растительныя субстанціи: кошки, собаки, мухи, клѣточки? порождаютъ-ли «новое» въ одиночку или массами такія микробы, какъ коховскія запятыя и т. под.?

*) Не смотря на обычную свою мягкость и осторожность въ приговорахъ, Л. М. Лопатинъ произнесъ однако черезчуръ суровый приговоръ надъ антипатичной ему гипотезой того самого Лейбница, которымъ онъ все-таки пользуется не мало. Я, хотя и становлюсь вообще подъ знамя философіи Лейбница, однако спорить не стану, что гипотеза «предустановленной гармонії» искусственна и что она слишкомъ догматически опирается на мудрость и всемогущество Божіе. Езспорно также и то, что она запечатлѣна духомъ субъектив-ной потребности Лейбница согласить его философскія возврѣнія съ современными ему религіозными возврѣніями и интересами и что на-конецъ самое обозначеніе ея терминомъ, взятымъ изъ чужой области,

Далѣе опасно было также лейбницевское отрицаніе непосредствен-
наго вліянія вещей другъ на друга (*influxus physicus*) и связанное
съ нимъ отрицаніе *реальности винниного матеріального міра*, ибо они
угрожали почтенному автору потерею «предстоящей намъ реаль-
ности» и «данной наличности», въ которой «реализуется мощь вещи»,
и превращенiemъ ихъ «въ нашу мечту, или грезу» *). Наконецъ,
философія Лейбница представляла не малую опасность съ одной
стороны для реальности пространства, которая хотя и пассивна
сама по себѣ, а все-таки была необходима автору, такъ какъ «пред-
стоящія намъ реальности» должны же имѣть ради нашего «чужого
имъ воспріятія» «форму винній явлляемости» (293 стр.), а съ дру-

какъ нельзя болѣе неудачно. Но все-таки ей нельзя отказать въ томъ,
что въ ея основаніи лежитъ чрезвычайно глубокая и вѣрная мысль,
что все существующее въ его цѣломъ есть безвременно готовое и
вполнѣ замкнутое міровое цѣлое, въ которомъ *нигдѣ места случаю* и
въ которомъ не можетъ играть никакой роли *ничто*. разрушительно
вторгающееся въ філософскія міросозерцанія либо, говоря figurально,
извнѣ съ концовъ, либо внутрь, въ самое сердце. Съ точки же зрѣнія
этой мысли о готовомъ міровомъ цѣломъ *случай, ничто, новое* могутъ
имѣть значеніе только въ *перспективѣ* отдѣльныхъ существъ, подле-
жащихъ ея иллюзіямъ въ силу своего несовершенства.

*) Опять я охотно признаю, что теорія взаимодѣйствія субстан-
цій (монадъ) у Лейбница недостаточна и требовала отъ его послѣдо-
вателей преобразованія и что его понятіе матеріи должно формулиро-
вать нѣсколько иначе, но все таки основная мысль Лейбница, что ма-
теріальный міръ существуетъ не самъ по себѣ, а только въ нашемъ
представленіи, должна составить основу міросозерцанія, которое мо-
жетъ окончательно и безповоротно преодолѣть материализмъ и пози-
тивизмъ. Поэтому какъ ни остроумны и какъ ни сильны иногда возра-
женія Л. М. Лопатина противъ этихъ направлений, но все-таки его
філософское міровоззрѣніе, на сколько я его понимаю, не можетъ
нанести имъ рѣшительного и окончательного удара по той простой
причинѣ, что онъ самъ неизбѣжно впадаетъ въ *дуализмъ* и тѣмъ
впускаетъ врага, съ которымъ борется, въ самую средину занимае-
мыхъ имъ позицій и укрѣплений.

той — для реальности времени, въ которой могло бы порождаться все «новое», тогда какъ неизмѣнное старое должно пребывать въ вѣчномъ покоѣ «сверхвременности».

Хотя Л. М. Лопатинъ и неправильно опредѣлялъ понятіе бытія понятіемъ дѣйствія, но все-таки онъ тѣмъ вступилъ на болѣе вѣрную дорогу къ правильному опредѣленію, чѣмъ первоначальный его путь отъ Гегеля и Канта. Но когда онъ подставилъ въ это опредѣленіе вмѣсто понятій дѣятельности и дѣйствія понятіе причинности, то опять, по моему, пошелъ по ложному слѣду, который могъ привести его не къ намѣченной имъ цѣли, а только, какъ мнѣ кажется, къ *субстанцированію* понятія причины, постановка и объясненіе которого вообще у Л. М. Лопатина, по моему, ошибочны. Но подробное указаніе этой ошибочности я отложу до слѣдующихъ книжекъ «Своего Слова» *), а въ настоящую минуту считаю достаточнымъ сослаться на «IX Бесѣду», гдѣ Сократъ говоритъ объ источникѣ и происхожденіи понятія причинности, объ его постепенной выработкѣ и значеніи въ нашей познавательной дѣятельности.

Тамъ читатели видѣли, что понятія, въ которыхъ выражается причинность, происходятъ, когда люди въ своемъ мышленіи опредѣляютъ *порядокъ и отношеніе* актовъ своихъ различныхъ дѣятельностей,

*) Такъ какъ причинность составляетъ центръ всѣхъ философскихъ воззрѣній, которыя высказаны въ сочиненіи Л. М. Лопатина, то по какому бы пункту я ни вступалъ съ нимъ въ объясненіе, для меня заразѣ становилось неизбѣжнымъ разверстаться и относительно понятія причинности. Но имѣя въ виду интересы читателей «Своего Слова», я считаю за лучшее сопоставить и сравнить передъ ними теорію причинности моего *alter ego*, Сократа съ Песковъ, съ теоріей уважаемаго автора и посредствомъ этой послѣдней какъ-бы провѣрить первую. Хотя въ «Своемъ Словѣ» Сократъ разъ уже касался понятія причинности, но этого еще не достаточно для сейчасъ означенныхъ сравненія и провѣрки. Такъ какъ, по моимъ предположеніямъ, рѣчь о причинности будетъ поднята еще въ «Бесѣдахъ» 5-й или 6-й книжки, то тогда и будетъ удобно сдѣлать это сопоставленіе теорій причинности Сократа съ Песковъ и Л. М. Лопатина.

понимая одни, какъ причину, а другіе, какъ слѣдствіе, и что, слѣдовательно, этому опредѣленію и пониманію причины и слѣдствія должно необходимо предшествовать и по понятію, и даже по времени въ большей или меньшей степени знакомство съ идеями субстанціи, дѣятельностей и актовъ, т. е. съ элементами понятія бытія. Значить, не понятіе бытія можетъ быть опредѣляемо понятіемъ причинности, а развѣ наоборотъ; или, иными словами, понятіе причинности уже предполагаетъ понятіе бытія. Далѣе тамъ же читатели видѣли, что первоначально (и по понятію и даже по времени) понятія причины и слѣдствія прилагаются къ перемѣнамъ, происходящимъ въ сферѣ нашей собственной субстанціи и что, слѣдовательно, не говоря уже о понятіи бытія, но и попытія причины и слѣдствія могутъ еще не сопровождаться и *de facto* не сопровождаются мыслю и сознаніемъ о не «я» или о «внѣшней дѣйствительности, ея взаимодѣйствіи съ нашимъ я» и ея причинности относительно этого я. Потомъ тамъ же было указано, какъ это первоначальное понятіе причинности постепенно переносится изъ міра: я, въ мірѣ: не я, по мѣрѣ того, какъ сознаніе о послѣднемъ становится живѣе и интенсивнѣе *). Тогда же читатели видѣли и то, какъ наконецъ это понятіе причинности отрывается отъ почвы, на которой произошло, и подаетъ поводъ къ заблужденію, отъ котораго не свободенъ и Л. М. Лопатинъ; эта ошибка состоить въ переносѣ существованія причинъ и слѣдствій изъ умственной сферы въ сферу реальную, т. е. признаніе существованія причинъ и слѣдствій самихъ по себѣ, по свойствамъ ихъ природы, и даже признаніе такихъ вещей-причинъ, которымъ исключительно принадлежить свойство быть «причиною самихъ себя» — *causa sui* (стр. 259). Наконецъ

*.) Объ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя ведутъ насъ къ образованію идеи о внѣшнемъ, независимомъ отъ насъ мірѣ, будетъ сказано въ «Своемъ Словѣ» съ надлежащею подробностью впослѣдствіи. Конечно, существованіе у насъ понятія причинности участвуетъ въ выработкѣ понятія внѣшняго міра, но вовсе не составляетъ исключительного и даже главного для нея условія, какъ, повидимому, то думается Л. М. Лопатину.

тамъ же указано, какъ образуется понятіе силы, которое, если только я вѣрно понимаю почтеннаго автора *), смѣшивается у него съ понятіемъ субстанціи.

Но отсылая моихъ читателей, а также и Л. М. Лопатина къ IX Бесѣдѣ и къ будущему моему объясненію съ нимъ относительно понятія причинности, я теперь не могу не сдѣлать двухъ коротенькихъ замѣчаній, которыя могутъ служить и подкрепленіемъ сказанному въ IX Бесѣдѣ, и *оправданіемъ* моего несогласія съ авторомъ въ теоріи причинности. Когда онъ, придавая преувеличенное зна-

*.) Читая мои оговорки, выражающіяся словами: «если я понимаю» и проч., кто-либо можетъ подумать, что это своего рода полемической пріемъ или что я иронизирую и т. под., и ошибется. Я совершенно добросовѣстно говорю то, что и думаю, что я нѣкоторыхъ мѣстъ у Л. М. Лопатина не понимаю, или, по крайней мѣрѣ, колеблюсь въ ихъ пониманіи. Причина этого, по моему, заключается не только въ естественной трудности предмета и философскихъ вопросовъ, поднимаемыхъ авторомъ, но, позволю себѣ сказать, и въ нѣкоторой его *беззаботности* о читателяхъ, когда онъ увлекается своей спекулятивной діалектикой и абстракціями. Такъ, напр., я совершенно отказываюсь понять цитированное мною мѣсто (стр. 235—236), гдѣ говорится, что «причинность въ отвлеченномъ смыслѣ есть условная истина», а «въ реальномъ смыслѣ законъ причинной связи представляетъ совершенно безусловную истину» и, въ концѣ концовъ, что это «идеально-реальная истина». Или же я, по истинѣ, иногда прихожу въ сильное затрудненіе отъ массы употребляемыхъ имъ сложныхъ словъ, въ которыхъ входитъ мѣстоименіе: самъ или самый. Тутъ мы имѣемъ: «самоутвержденіе» (или еще «безконечное самоутвержденіе»), «самоусловіе», «чистая самоусловность», «самоочевидность», «самоочевидный», «самоопределѣленіе», «самодѣятельность», «самораскрытие», «саморазвитіе», «начало самопричинное» и проч. и проч. Конечно, иногда можно понять эти термины, припомнивши нѣмецкіе, съ которыхъ они могли быть переведены, или по связи съ другими словами. Но иногда другія слова еще темнѣе этихъ «самоусловій» и «самораскрытий», и тогда остается только махнуть рукой на смыслъ цѣлыхъ предложенийъ и даже цѣлыхъ абзацовъ.

ченіе въ нашемъ познаніи идеѣ причинности, говоритьъ, что «она вносится въ наше сознаніе вмѣстѣ съ первыми его проблесками» (стр. 181), то я не могу не возразить, что не только идеи бытія, субстанціи, дѣятельности, содержанія и проч. составляютъ prius причинности, но что даже идея телеологическая, т. е., идея цѣли и средствъ, и по понятію и по времени, предшествуетъ идеямъ причины и слѣдствій и долго господствуетъ въ сознаніи или исключительно, или же преобладая надъ причинностью. Поэтому обычный вопросъ дѣтей и дикарей: «почему», имѣеть смыслъ телеологической и собственно значить: «зачѣмъ, для чего». Далѣе телеологическая разсужденія почтенаго автора на стр. 350 и слѣд., также послѣднія главы первой и второй части его сочиненія даютъ полное право думать, что для него должно бы имѣть полную силу положеніе: *causae efficientes pendent a causis finalibus*, т. е., что узкій принципъ причинности въ реальныхъ міровыхъ отношеніяхъ не имѣеть никакого самостоятельного значенія, что міръ и вся жизнь его (конечно, психическая) ведутся цѣлью, что только вслѣдствіе нашей ограниченности и несовершенства намъ необходимъ для руководства принципъ причинности, что существа, высшія насы, ясно понимаютъ всѣ субстанціи, ихъ функціи и акты въ ихъ общеміровой связи и гармоническомъ единствѣ, ибо, вѣдь, въ этомъ только и заключается телеологической принципъ мірообъясненія. Но какъ ни мало мы знаемъ эту телеологическую связь вещей, все-таки мы имѣемъ полное право, особенно если принять въ соображеніе, что, вѣдь, и причинная то связь намъ не болѣе известна, видѣть во всякомъ *событии* не только слѣдствіе причины, но и средство къ цѣли. Отсюда мы могли бы съ полнымъ правомъ формулировать всѣ общіе законы причинности въ смыслѣ телеологии, напр., такъ, что міръ состоитъ не изъ причинъ и слѣдствій, а изъ цѣлей и средствъ и, если то нравится, позитивистически понимать рядъ средствъ, начиная отъ какого либо взятаго произвольно пункта, идущимъ въ безконечность a parte post и даже a parte ante. Но какъ бы мы въ нашей замѣнѣ причинности телеологіей ни понимали этотъ цѣлеположный рядъ, у насы необходимо будетъ *два* твердыхъ

пункта, а именно: что весь рядъ *средствъ* (или слѣдствій съ причинной точки зре́нія) будетъ *вполнѣ обусловленъ* послѣднимъ членомъ, т. е., *иѣлью* (которая есть также и причина); и что ни одинъ изъ членовъ ряда—все равно: будемъ-ли мы рядъ понимать состоящимъ изъ субстанцій или же изъ міровыхъ состояній и тому подобн.—не можетъ заключать въ себѣ что-либо излишнее, не находящееся въ послѣднемъ членѣ, который долженъ быть мыслить *абсолютно полнымъ и совершенныиимъ* во всѣхъ отношеніяхъ сравнительно съ рядомъ средствъ. Теперь я позволю себѣ, съ точки зре́нія такого, по моему, *законного превращенія* понятій причинности въ телесологической, спросить Л. М. Лопатина: что тогда станется съ его «творчествомъ» и «новыми проявленіями, новыми актами?»

Второе мое замѣчаніе касается слѣдующаго пункта. Если я вѣрно понимаю сказанное Л. М. Лопатинымъ на стр. 335 и слѣдто творческая причинность состоитъ въ томъ, что въ слѣдствіи появляется нечто новое сравнительно съ данною причиной *). Если далѣе я вѣрно понимаю сказанное на стр. 259, то и «само безусловное начало вещей» подлежитъ закону причинности, слѣдовательно, и оно должно иметь причину **). Отсюда оно есть «причина самого себя (*causa sui*)», говорить авторъ, «не въ какомъ-либо описательномъ, а въ самомъ строгомъ смыслѣ этого определенія».

*) Съ моей точки зре́нія, какъ это выяснится впослѣдствіи, нѣтъ даже и повода дѣлить причинность на *психическую* или *творческую и механическую*, потому что за уничтоженіемъ различія между міромъ материальнымъ и психическимъ и за приведеніемъ одного къ другому остается только *одна* причинность, въ чемъ-бы она ни состояла, и какъ-бы ни понимать отношеніе между понятіями причины и слѣдствія.

**) Это воззрѣніе служить для меня яркимъ подтвержденіемъ, что Л. М. Лопатинъ *субстанцируетъ* понятіе причины и слѣдствія. По моему, самихъ по себѣ ни причинъ, ни слѣдствій нѣтъ. Они необходимо существуютъ только въ актахъ нашей мыслящей дѣятельности, когда мы сравнивая отношенія вещей-ли (субстанцій), явленій, дѣятельностей-ли, мыслить и называемъ одни по отношенію къ другимъ причинами, или слѣдствіями.

(стр. 259). Значитъ, въ этомъ чрезвычайно важномъ случаѣ причина *абсолютно равна и тождественна* съ своимъ слѣдствіемъ, или, иными словами, «абсолютное начало вещей порождаетъ само себя.» Если это такъ, то, мнѣ кажется, это первоначальное отношеніе и должно-быть *нормою* для всѣхъ остальныхъ случаевъ причинности; и пѣтъ основаній допустить, если только почтенный авторъ захочетъ быть послѣдовательнымъ, чтобы это нормальное отношеніе нарушилось въ другихъ случаяхъ, т. е., чтобы слѣдствіе заключало въ себѣ нечто новое противъ данной причины. Вполнѣ возможно, что я что-либо упускаю изъ виду и вижу затрудненіе для теоріи «творческой причинности» тамъ, где самъ Л. М. Лопатинъ его совсѣмъ и не призналъ-бы. Но въ такомъ случаѣ мнѣ естественно желать, чтобы такъ или иначе онъ помогъ мнѣ освободиться отъ моего заблужденія *).

Теперь мнѣ слѣдуетъ сказать *два слова* о моемъ отношеніи къ опредѣленію бытія Лотце и вообще объясниться о входящемъ въ опредѣленіе Сократа съ Песковъ терминѣ: «отношеніе,» который, повидимому, смущаетъ Л. М. Лопатина. Лотце серьезный и глубокій мыслитель и въ общемъ принадлежитъ къ направлению Лейбница; поэтому было бы вполнѣ естественнымъ, еслибы Сократъ сдѣлалъ у Лотце какія-либо заимствованія. Однако въ данномъ случаѣ этого не было, такъ какъ Сократъ имѣеть основанія считать опредѣленіе бытія Лотце, по которому быть значитъ «стоять въ отношеніяхъ,» *не состоятельнымъ*. Это опредѣленіе, по моему, означало бы, что существуетъ мыслимое, или все, что можетъ стать какъ-либо предметомъ мысли, потому что мышленіе необходимо состоять изъ отношеній. Но, вѣдь, мы мыслимъ и о радугѣ, и о кикиморѣ, и о пѣшкѣ въ шахматной игрѣ, и о дырѣ на платьѣ, и объ $\sqrt{-1}$ и т. под., т. е., о многочисленныхъ вещахъ, которыхъ существуютъ только въ нашей мысли, когда мы о нихъ думаемъ, а между тѣмъ въ вопросѣ о бытіи мы имѣемъ въ виду то, что суще-

*.) Кстати, если-бы уважаемый Л. М. Лопатинъ пожелалъ что-либо возразить мнѣ въ «Своемъ Словѣ,» то я съ большимъ удовольствиемъ исполнилъ-бы такое желаніе.

ствуетъ безотносительно къ другому, само по себѣ, что не есть только мысль, а существуетъ помимо и независимо отъ нея, что тождественно съ самимъ собою и неизмѣнно.

Конечно, въ основаніи этого и другихъ нашихъ вопросовъ о бытіи лежитъ *предположеніе*, что мы знакомы съ чѣмъ-то такимъ, что могло бы служить источникомъ для знанія о бытіи, еслибы мы могли знать это знакомое *ничто*, понять его, еслибы умѣли описать, называть его и т. под. *). Сократъ съ Песковъ называетъ это знакомое, но не знаемое *первоначальнымъ сознаніемъ*, составляющимъ общее достояніе и взрослыхъ, и дѣтей, и, по крайней мѣрѣ, высшихъ животныхъ. Оно состоитъ изъ трехъ элементовъ: сознанія о себѣ, сознанія о своихъ дѣятельностяхъ и сознанія о содержаніи отдѣльныхъ актовъ. Обладая этими элементами сознанія, животныя руководятся ими *практически*, инстинктивно, никогда не понимая и не зная, что они обладаютъ этимъ сознаніемъ, что на немъ строится важнѣйшее понятіе бытія, и какъ оно строится. Дѣти, подобно животнымъ, также сперва инстинктивно руководятся этимъ сознаніемъ, не зная и не понимая того; но потомъ понемногу начинаютъ мыслить и все отчетливѣе и отчетливѣе приводить элементы этого сознанія въ связь и образуютъ понятіе бытія. Но такъ какъ люди въ своемъ мышленіи *подвержены* многочисленнымъ *ошибкамъ*, то образовать правильное понятіе бытія оказывается однимъ изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ—и не только для простыхъ людей, но, какъ показываетъ исторія, и для ученыхъ, философовъ и даже для великихъ философовъ. Эта трудность происходитъ отъ того, что, при непосредственномъ знакомствѣ съ своимъ собственнымъ существомъ, всѣ элементы первоначального сознанія сознаются о себѣ, безотноси-

*) Да не подумаетъ читатель, что тутъ *явное противоречіе*. Нѣть! это самая обыкновенная вещь въ мірѣ. Маленькия дѣти и животныя, да очень часто и взрослые служатъ лучшимъ примѣромъ, какъ можно быть знакомымъ съ чѣмъ-то или, говоря языкомъ философіи, *сознавать что-то, но не знать* или не имѣть никакого о немъ понятія. Поэтому-то смѣшеніе знанія съ сознаніемъ было одно изъ самыхъ зловредныхъ заблужденій во всей исторіи философской мысли.

тельно, но какъ скоро мы начинаемъ мыслить, такъ неизбѣжно приводимъ всѣ ихъ въ соотношеніе. Отсюда отъ правильнаго понятія бытія можно требовать, чтобы въ немъ не былъ упущенъ ни одинъ изъ элементовъ первоначальнаго сознанія, но чтобы при этомъ къ нимъ не привзошли элементы производнаго сознанія, и далѣе— чтобы они въ этомъ понятіи были приведены въ логически правильное соотношеніе, такъ какъ это понятіе, образовавшись на однопомъ экземпляре сущаго, переносится и прилагается ко всему, что можетъ имѣть притязаніе на существованіе. Такъ какъ всѣ эти требованія должны быть выполнены *съ полной отчетливостью и ясностью*, то въ этомъ и заключается естественная трудность образования точнаго понятія бытія. Что касается до опредѣленія бытія, сдѣланнаго Сократомъ, то входящій въ него терминъ: отношение, необходимъ, ибо посредствомъ его требуется признавать сущимъ что либо такое, что, подобно намъ, было бы *субстанціей*, т. е. неизмѣннымъ тождествомъ, но чтобы при этомъ оно представляло и *акциденціи* или смѣняющіеся въ *единство* и *тождество* субстанціи акты различныхъ дѣятельностей. Такъ какъ понятіе бытія Сократа, по моему, снято съ непосредственно достовѣрной, сущей помимо нашей мысли, реальности и такъ какъ въ его формулы выражено все ея содержаніе, то я и *не могу промыкнуть* его на невѣрное и одностороннее понятіе Л. М. Лопатина, которое снято съ реальности, существующей только въ актѣ мысли, ибо и причинъ, и слѣдствій самихъ по себѣ, или помимо нашей мысли не существуетъ.

Теперь мнѣ остается сдѣлать небольшое замѣчаніе относительно понятія времени у Л. М. Лопатина. Само собою разумѣется, что сколько нибудь обстоятельное критическое разсмотрѣніе его понятій пространства и времени потребовало-бы, пожалуй, *еще больше мысли*, чѣмъ ему посвящено въ «Положительныхъ задачахъ философіи». Въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всемъ сочиненіи Л. М. Лопатина, есть много вѣрныхъ и хорошихъ положеній и страницъ, но, къ сожалѣнію, въ цѣломъ я *не могу согласиться* съ его воззрѣніями на пространство и время! Говоря это, я имѣю въ виду не только

тѣ мѣста (а ихъ не мало!), которыя остаются мнѣ непонятными *), но даже и тѣ, которыя кажутся понятными. Всюду, по моему, ярко проходитъ у автора *колебаніе* въ воззрѣніяхъ на реальность пространства и времени: то онъ признаетъ ее, то не признаетъ, и при-мирить это противорѣчіе, выраженное часто весьма искусно, хотя въ то-же время и искусственно, я не вижу возможности.

Ограничиваюсь въ своемъ критическомъ замѣчаніи понятіемъ сверхвременности Л. М. Лопатина, я попробую подойти къ *сверхвременному отъ временного*, основной признакъ котораго, по моему, состоитъ въ томъ, что оно (будь то *событие*, *состояніе*, *пребываніе* чего либо) всегда имѣеть какую-либо величину продолжительности. Теперь спрашивается: считаетъ ли Л. М. Лопатинъ, что все времененное имѣеть какую-либо (большую, малую, опредѣленную, неопредѣленную, но все-таки конечную) величину продолжительности? Прямо, если не ошибаюсь, у него этого не сказано, по изъ того, что говорится на стр. 296 и слѣд., должно заключить, что времененное и у него понимается имѣющимъ величину своей продолжительности. Теперь обращаюсь къ термину: безвременное. Для читателей

*) Такъ я стараюсь, но не могу понять такихъ, напримѣръ, положеній: «единство нашего я есть его сверхвременность: сознавать время значитъ не подлежать его основнымъ отношеніямъ» (стр. 304). Ну, а ребенокъ, спрошу я? Онъ времени не сознаетъ, а между тѣмъ, какъ субстанція, кажется, «не подлежитъ основнымъ отношеніямъ времени?» Или онъ не субстанція? Или еще: «субстанція своимъ непрѣмѣннымъ пребываніемъ претворяетъ отрицательную дѣятельность времени, разсматриваемаго въ немъ самомъ, въ свою положительную дѣятельность, его абсолютную неустойчивость въ свою внутреннюю устойчивость въ многообразіи моментовъ существованія» (стр. 305). Или еще: «Божественное самосознаніе, безспорно» (хорошо это «безспорно»! какъ будто самъ почтенный авторъ испытывалъ «божественное самосознаніе»!) «есть процессъ, но,—если можно такъ выразиться,—этотъ процессъ реализуется съ абсолютной быстротою, такъ что послѣдовательное въ немъ необходимо обращается въ современное» (стр. 307). И всего не перечтешь!

«Своего Слова» считаю не безполезнымъ напомнить значеніе этого термина у Сократа съ Песковъ для сопоставленія его съ значеніемъ у Л. М. Лопатина. Сократъ съ Песковъ, говоря о безвременному существованіи міра, вообще всяческой реальности, понимаетъ этотъ терминъ (см. Бесѣда VII, стр. 17) такъ, что, въ мысли о бытіи и сущности дѣйствительного міра мы должны совершенно устранить время и никакимъ образомъ, ни явно, ни скрытно, не вводить его въ наше понятіе міра, следовательно, должна быть устранена и та мысль, что дѣйствительность міра соотвѣтствуетъ настоящему времени. Точно такъ-же должно избѣгать приписывать міру какую-либо временную продолжительность или измѣряемость». Иными словами, безвременнымъ или винтврременнымъ Сократъ называетъ то, къ чему «вовсе не приложима категорія времени». Въ такомъ смыслѣ, по моему, должно мыслить, что міръ состоить изъ субстанцій, ихъ дѣятельностей и ихъ актовъ, подобно тому, какъ мы совершенно устранимъ время, напр., изъ мысли, что понятія имѣютъ объемъ и содержаніе, или что понятія бываютъ родовыя и видовыя. Но совсѣмъ иное значить этотъ терминъ у Л. М. Лопатина. Безвременность у него равняется отсутствію всякой реальности и бытія: «безвременная субстанція есть у него фантастическое и пустое созданіе разсудка» (306), «безвременное существование ничѣмъ не отличается отъ безусловнаго ничтожества» (309); словомъ, безвременность у Л. М. Лопатина ровно ничего не значитъ *).

Теперь обратимся къ термину сверхвременности **). У Л. М.

*) «Конкретные спиритуалисты», какъ мнѣ это удавалось замѣтить, энергически воюютъ съ абстрактными понятіями, которыя они почему-то считаютъ удѣломъ вульгарнаго «логического разсудка». Про самихъ же себя они увѣрены въ томъ, что обладаютъ «творческимъ разумомъ», въ который проникаетъ сама «конкретная реальность» или посредствомъ котораго они какъ бы вновь творятъ ее для того, чтобы она «живая предстояла» передъ ними, тогда какъ остальные смертные, имѣющіе только разумокъ, могутъ довольствоваться одними пустыми понятіями о ней.

**) Съ первого раза я подумалъ, что «сверхвременность» у Л. М.

Лопатина понятія временного и сверхвременного, повидимому, составляютъ противоположность. Когда онъ различаетъ «временное и сверхвременное бытіе» (стр. 296 и слѣд.), то приписываетъ первое явленіямъ, а второе *субстанціамъ*. Такъ какъ временное и сверхвременное различаются въ приложениі ихъ къ бытію, а такъ какъ я не могу похвастаться надлежащимъ знаніемъ, что разумѣеть подъ сущимъ почтенный авторъ, то мнѣ для вопроса о различіи времененного и сверхвременного надобно выяснить отношеніе явленій къ субстанціи. Подъ явленіемъ Л. М. Лопатинъ разумѣеть «акты, проявленія» (тутъ и «новыя»), въ которыхъ реализуется «мощь, потенція, сила», субстанціи *). Но если явленія подлежать законамъ времени— а это «равносильно тому, чтобы *не быть* въ прошломъ и будущемъ, а имѣть реальность только въ неуловимый моментъ настоящаго» (стр. 304); и если далѣе этотъ неуловимый моментъ равняется нулю временной продолжительности и тѣмъ самымъ превращается въ ничто, то для меня возникаетъ величайшее затрудненіе. Я не могу понять, какъ сверхвременная субстанція, не подлежащая времени, «совершаетъ, порождаетъ» акты, которые ему подлежать, неуловимо возникаютъ изъ ничто и въ оное исчезаютъ **). Вѣдь,

Лопатина значитъ совершенно то-же, что у Сократа съ Несковъ безвременность. Въ такомъ случаѣ разногласіе сводилось бы не къ мысли, а къ терминамъ. Конечно, и тогда я сталъ бы отстаивать терминъ безвременности или внѣвременности и находилъ бы сверхвременность вмѣстѣ съ другими, употребляемыми почтеннымъ авторомъ въ томъ же родѣ терминами вычурною. «Сверхвременность», «сверхпространственность», «сверхфеноменальность», «сверхсознательность»—какія важныя и внушиительныя слова! Точно выстрѣлы изъ пушки! Но, къ сожалѣнію, къ разницѣ въ словахъ присоединяется различіе и въ мысли.

*) Всѣ эти понятія употребляются синонимически у автора.

**) Читатели «Своего Слова» видѣли, какъ у Сократа при безвременности реального бытія, нисколько не мѣщающей намъ распредѣлять въ нашей мысли акты въ порядкѣ: прежде, теперь, потомъ или послѣ, всѣ наималѣйшіе акты субстанціи неразрывно сохраняются въ ея реальному, т. е., безвременному единству.

субстанція неразрывно связана съ актами своей дѣятельности, которыми и исчезаетъ все ея бытіе. Если она не зависитъ отъ времени, не превращается и не можетъ превращаться въ ничто или исчезать послѣ какого-то *неуловимаго существованія*, то не исчезаютъ и всѣ ея акты, безвременно пребывая въ ней и съ нею. Однимъ словомъ, я думаю, что своимъ понятіемъ «сверхвременности» Л. М. Лопатинъ не достигаетъ цѣли, которая очевидно состоитъ въ томъ, чтобы спасти субстанцію отъ времени, отдавая ему, такъ сказать, на съѣденіе одни акты. Подвести же бытіе актовъ подъ одну рубрику съ бытіемъ субстанціи ему, повидимому, не желательно, потому что тогда логика принудила-бы его *пожертвовать реальностью времени*. Но почему же онъ держится за реальность времени и пространства? Да потому, отвѣчу я, что почтенному автору жаль «предстоящей» реальности материального міра. Итакъ, система его въ весьма тонкой и изворотливой формѣ скрываетъ въ себѣ дуализмъ, что надѣюсь окончательно выяснится, когда я буду имѣть съ нимъ объясненіе по поводу понятія причинности.

Для читателей «Своего Слова» повторю, что, не смотря на мои настоящія и будущія критическія замѣчанія на сочиненіе Л. М. Лопатина, я считаю его серьезнymъ пріобрѣтеніемъ для нашей философской литературы и смѣло рекомендую его вниманію всѣхъ интересующихся предметомъ этого сочиненія.

А. К.